

Structures of focus and grammatical relations / Ed. by J. Hetland and V. Molnár. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2003. viii + 260 p. (Linguistische Arbeiten, 477).

Рецензируемая коллективная монография посвящена одной из наиболее популярных в последнее десятилетие областей теоретической лингвистики – способам кодирования информационной структуры предложения, в частности, взаимодействию информационной и синтаксической структур, а также связям информационной структуры с интонацией. В последнее время проблемы этого круга постоянно обсуждаются как в среде формальных лингвистов, так и с функциональных позиций. Вместе с тем, несмотря на появление целого

ряда интересных идей, ни одной из соперничающих научных парадигм пока не удалось ни совершить серьезный прорыв в создании теории, которая позволила бы понять связь информационной структуры с синтаксической структурой предложения, ни хотя бы унифицировать набор используемых терминов.

Статьи, включенные в монографию, написаны с различных теоретических позиций. Задача унификации используемых теоретических концепций и терминологических систем, очевидно, редакторами не ставилась. Объеди-

няют авторов географическая близость (все они представляют университеты Германии, Дании, Норвегии и Швеции), а также языковой материал: все статьи в основном посвящены анализу германских (преимущественно скандинавских) и финно-угорских языков (финского и венгерского).

Две, пожалуй, наиболее интересные статьи в сборнике посвящены формально-синтаксическому анализу “левой периферии” предложений в финском и венгерском языках.

Финский и венгерский – языки с так называемым свободным порядком слов. Такие языки создают особые сложности для формального синтаксического анализа. Выясняется, однако, что в большом числе случаев порядок слов в таких языках не является произвольным, но определяется набором дискурсивных факторов (прежде всего как раз информационной структурой предложения). Э. Киш [Kiss 1987] предложила считать, что такие языки обладают особым типом конфигурационности, который чуть позднее был назван “дискурсивной конфигурационностью” [Vilkuna 1989; 1995]. Формальный синтаксический анализ в таких языках требует введения в базовую схему предложения различных типов групп с определенными дискурсивными функциями (например, группа топики, группа фокуса и т.п.), как это было предложено еще в известной работе Л. Рицци [Rizzi 1997].

Такие общие схемы требуют проверки и, возможно, адаптации к конкретным языкам. Подобная задача решается в статье В. Мольнар и М. Ярвентаусти “Дискурсивная конфигурационность в финском и венгерском”.

Для венгерского языка предлагается анализ с тремя функциональными проекциями на левой периферии предложения¹:

$\text{TopP} < \text{UQ} < \text{FocP}$.

Неожиданным образом, именная группа с универсальным квантификатором – даже если семантически она является фокусом предложения – не может занимать соответствующую структурную позицию, ср. Péter [All-Quantor mind-en könyvet] [_{Foc} Évától] kért kölcsön. ‘Петер все книги позаимствовал У ЭВЫ’. ~ *Péter Évától [_{Foc} All-Quantor minden könyvet] kert kölcsön. ‘Петер позаимствовал у Эвы ВСЕ КНИГИ’.

Для финского языка понадобилось ввести специальную позицию для контрастивно вы-

деленных групп, которая, однако, заполняется факультативно и необходима только в тех предложениях, где не проецируется группа фокуса. Левая периферия предложения для финского языка выглядит следующим образом:

$\text{CP} < \text{KP} < \text{TopP}$
 $\text{CP} < < \text{TopP} < \text{FocP}$.

Для обоих языков авторы дают признаковый анализ семантики групп, способных занимать каждую из выделенных в работе структурных позиций. Выясняется, что даже в таких типичных дискурсивно конфигурационных языках, как венгерский и финский, связь информационной и синтаксической структуры не является прямой: на выбор позиции группы в синтаксической структуре предложения влияют не только дискурсивные, но и чисто семантические факторы. Наблюдается ряд расхождений между структурной позицией и коммуникативной функцией различных групп.

С тех же теоретических позиций М. Ярвентауста в статье “Являются ли финские нулевые подлежащие нулевыми топиками?” исследует вопрос о дискурсивном статусе так называемых “нулевых подлежащих” в финском языке.

Современный финский литературный язык – по крайней мере частично – относится к так называемым языкам с нулевым подлежащим (pro-drop languages). В нем регулярно опускаются подлежащие, выраженные первым или вторым лицом. Отметив сложности анализа поведения нулевых и ненулевых подлежащих в финском языке (в рамках генеративного подхода и теории валентностей), автор обращается к анализу финского языка как дискурсивно конфигурационного. В нейтральных декларативных предложениях финского языка соблюдается порядок $\text{T} < \text{V} < \text{X}$, где Т – топик предложения, V – финитный глагол, X – любое дополнение глагола. В так называемых контрастивных предложениях (см. выше) порядок элементов $\text{K} < (\text{T}) < (\text{X}) < (\text{V}) < (\text{X})$. Структура таких предложений используется для восстановления линейной позиции и дискурсивных функций нулевых подлежащих. В таких предложениях обязательно присутствует контрастивное ударение на группе, стоящей слева от топика:

[_K MINÄ] [_T kirjan] luin. ‘Это Я читал книгу’ ~ [_K KIRJAN] [_T minä] luin. ‘Это КНИГУ я читал’.

Опущение местоимения не ведет к появлению у предложения новых интерпретаций с точки зрения информационной структуры: фокус контраста сохраняется, а “восстановление” местоимения возможно только в позиции непосредственно справа от фокуса контраста:

¹ Здесь и далее: TopP – группа топики, FocP – группа фокуса, UQ – группа универсального квантификатора, CP – традиционная “максимальная проекция” предложения, KP – контрастивно выделенная группа.

- a. ANNALE annoin KUKKIA 'Анне / я подарил цветы \\'.
- b. ANNALE annoin kukkia 'Я подарил цветы (именно) АННЕ'.
- c. *Annale annoin KUKKIA.
- d. ANNALE mina annoin kukkia / KUKKIA (= a/b).
- e. *Minä ANNALE annoin kukkia / KUKKIA.
- f. *ANNALE annoin mina kukkia / KUKKIA.
- g. *ANNALE annoin kukkia / KUKKIA minä.

Это позволяет считать, что в предложениях с контрастом опущенный субъект стоит в позиции топики ([_K ANNALE] [_T Ø] annoin KUKKIA), а также постулировать аналогичное заполнение позиции топики в нейтральных предложениях. Топик в финском языке выступает как структурная позиция, прагматическая функция которой не всегда однозначна: в частности, она заполняется и в "тетических" предложениях, целиком состоящих из ремы (фокуса, в терминах К. Ламбрехта [Lambrecht 1994]): так, предложение [_T Ø] annoin Annale KUKKIA 'Я подарил Анне цветы' может быть ответом как на вопрос "Что случилось?" (тетическая интерпретация), так и на вопрос "Что ты подарил Анне?" (топик – "я").

В статье Й. Хетланд "Контраст, нисходяще-восходящее ударение и информационный фокус" исследуются некоторые аспекты связи информационной структуры с интонацией предложения, в основном на материале английского и немецкого языков (используются также данные корейского, венгерского и финского языков). Внимание автора привлекли немецкие предложения со сложной фразовой интонацией. Выясняется, что такая интонация характерна для предложений с контрастным топиком (ср. Die √ WEIBlichen Popstars trugen \KAftane.). Соответствующая информационная структура отмечается сходной интонацией и в английском: 'What was the °meal \like? – The °soup I was °terrible). Автор считает, что нисходяще-восходящее ударение в обоих языках сигнализирует о наличии контраста – выбора из конечного и известного обоим коммуникантам множества альтернатив. В английской разговорной речи такой тип ударения может специально использоваться говорящим с целью создания "эффекта контраста" – впечатления о наличии множества возможных альтернатив даже в тех случаях, когда это не следует из контекста (ср. They elected °Alice I °president. – They elected °Alice I °president.). Сходный акцент (fall-rise), контрастно выделяющий соответствующий элемент предложения, автор выделяет также в корейском и венгерском языках (но не в фин-

ском, где контрастно выделенные группы факультативно помещаются в специальную синтаксическую позицию и несут при этом нисходящее ударение).

Несмотря на типологические сходства контрастно выделенных элементов в ряде языков, Й. Хетланд не считает необходимым выделять универсальную категорию контрастного фокуса (operator focus, contrastive focus, identificational focus). Возможно, более перспективным является рассмотрение универсальной категории и соответствующей синтаксической позиции "информационного фокуса" (information focus), который, по видимому, маркируется во всех языках, причем в большинстве случаев такое маркирование включает использование специальных акцентных средств.

Наряду с интонацией, одним из наиболее распространенных способов выражения информационной структуры предложения является порядок слов. Статья Л. Хельтофта "Иконические и категориальные системы выражения фокуса в скандинавских языках" представляет собой сравнительный анализ использования порядка слов в стратегиях кодирования информационной структуры предложения в современном датском и в древних скандинавских языках. В качестве формального аппарата описания используется традиционный для датского языкознания аппарат линейных "моделей предложения" (sentence frames), демонстрирующий порядок расположения основных элементов предложения (но не иерархические отношения между ними).

Для датского, как и для большинства германских языков, характерна особая линейная позиция финитного глагола независимого предложения – непосредственно после первой фразовой категории. Порядок слов сравнительно жесткий, и выражение фундаментальных коммуникативных категорий четко связывается с определенными структурными позициями в предложении: так, функция групп, занимающих первую позицию (P₁), традиционно описывается как тема (или топик), которая может быть как обычной, так и контрастной.

С другой стороны, тематическим, как правило, является подлежащее, которое либо занимает позицию P_1 , либо стоит сразу за финитным глаголом. Фокус предложения в нейтральном случае располагается в пределах глагольной группы, однако может также занимать позицию P_1 . Фокус предложения лишь в редких случаях включает подлежащее, при этом используются специализированные синтаксические средства – либо “тетические” предложения с порядком слов XVS и эксплетивным местоимением в позиции P_1 , либо бипредикативные структуры (“клефт”).

В древнедатском, напротив, наблюдалось сравнительно жесткое расположение элементов информационной структуры: предложение начиналось с темы, его фокус помещался непосредственно справа за отрицанием, а все группы слева от отрицания исключались из сферы действия отрицательного оператора. Подлежащее не обязательно (хотя статистически часто) являлось тематическим и легко (путем изменения порядка слов) помещалось в состав ремы.

Остальные три статьи сборника лишь косвенным образом затрагивают проблемы кодирования информационной структуры. Так, работа Й. Барздал “Связь морфологического падежа с синтаксической функцией и тематическими ролями в исландском языке: статистический анализ” представляет собой, как свидетельствует ее название, в основном анализ частотных характеристик употребления исландских падежных показателей.

В исландском языке нет одно-однозначного соответствия между синтаксической ролью именной группы и ее морфологическим падежом: например, ИГ в аккумулятиве может быть не только прямым дополнением, но и косвенным дополнением и даже подлежащим. В то же время каждой синтаксической роли соответствует несколько падежей; например, подлежащее может выражаться любым падежом из четырехленного набора (номинатив, аккумулятив, датив, генитив). В еще меньшей степени может быть установлено одно-однозначное соответствие между морфологическими падежами и “тематическими” (семантическими) ролями.

В статье Й. Барздал на основе анализа небольшого корпуса текстов, подготовленного и размеченного самим автором (40 тыс. слов, в том числе 15 тыс. слов в корпусе устной речи), был проведен анализ частоты употребления (i) каждого морфологического падежа в каждой из синтаксических функций и (ii) каждого морфологического падежа в каждой из тематических ролей (список синтаксических функ-

ций и тематических ролей, вполне традиционный, был составлен автором заранее).

Наряду с тривиальными результатами (например, “подлежащее чаще всего выражается номинативом”; “генитив чаще всего выступает в функции атрибута”), было получено некоторое количество более интересных обобщений. В частности, выяснилось, что дативные подлежащие гораздо более частотны в устном дискурсе, что может быть связано с особенностями ролевой семантики таких подлежащих. Номинатив, вопреки ожиданиям, наиболее часто используется в роли, которую автор называет *station* (объект, локализуемый во времени или пространстве).

По мнению автора, результаты ее статистического анализа ставят под сомнение принятое в генеративной грамматике противопоставление лексического (словарного) и структурного падежа. Например, аккумулятив является структурным падежом и кодирует прямое дополнение. Любой другой падеж (в том числе датив) в такой позиции должен рассматриваться как словарный, следовательно, нерегулярный и тем самым очень редкий падеж. Однако в корпусе Й. Барздал очень большая часть всех прямых дополнений – более четверти – кодируется дательным падежом. Отсутствие противопоставления лексического и структурного падежей подтверждается и данными по исландской детской речи: число ошибок в употреблении падежа приблизительно одинаково для “лексических” и “структурных” падежей, причем равновероятны ошибки в обе стороны (лексический падеж вместо структурного и структурный вместо лексического).

Две последние статьи в сборнике, сходные по тематике и использующие одинаковый теоретический аппарат, посвящены сравнительному анализу пассивных конструкций. Это работы Б. Ланден и В. Мольнар “Пассив как аспект деятельности. О связи аспектуальности и пассива: сравнительное исследование немецкого и шведского языков” и Й. Барздал и В. Мольнар “Пассив в исландском языке на фоне континентальных скандинавских языков”.

Термин “аспект деятельности” (*activity aspect*) в названии работы Ланден и Мольнар как будто бы позволяет ожидать, что авторы придерживаются нетрадиционного взгляда на пассивный залог, связывая его каким-то образом с семантическим типом ситуации. В действительности, однако, схема разновидностей пассива, предложенная авторами и используемая также в совместной статье Мольнар и Барздал, представляет собой новую комбинацию уже вполне общепринятых представлений о пассиве. В частности, отмечается, что упо-

требление пассивного залога может вызываться как необходимостью смены диатезы, так и необходимостью изменить аспектуальную характеристику ситуации. В обеих статьях рассматривается три вида пассивов: результитивный / стативный (англ. *The door was shut* 'Дверь была закрыта') ~ процессуальный (нем. *Die Tür wird geschlossen* 'Дверь [сейчас] закрывается [кем-то]') ~ акциональный (финск. *Auto oste-taan* 'Машину [сейчас] покупают [пасс.]'). Все эти три разновидности пассива, по мнению авторов, семантически находятся между активными и инактивными употреблениями активного залога, что и дает основания для того определения пассива, которое использовано в заглавии статьи.

В рамках предложенной схемы далее осуществляется сравнительный анализ пассивных конструкций. Хотя анализ, проделанный авторами, не вызывает особых возражений по существу (основные закономерности употребления пассива в исследуемых языках достаточно хорошо известны), не совсем ясно, каким образом предложенная схема улучшает или упрощает описание: в большинстве случаев семантика оппозиции нескольких типов пассивной конструкции не соответствуют "клеткам", задаваемым авторской схемой (так обстоит дело, например, с противопоставлением аналитического и синтетического пассива в шведском); те же оппозиции, которые соответствуют этим клеткам (как, например, оппозиция двух немецких пассивов – с вспомогательными глаголами *werden* и *sein*), столь же удачно описываются и более традиционными терминами.

Оценивая сборник в целом, можно сказать, что, несмотря на отдельные интересные наблюдения и идеи, не возникает впечатления, что авторам удалось достичь прорыва в решении теоретических проблем описания информационной структуры предложения. Тем не менее, сборник может оказаться безусловно полезным лингвистам, интересующимся вопросами, связанными с актуальным членением (информационной структурой) предложения, и в особенности специалистам по германским и финно-угорским языкам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Kiss 1987 – *K.É. Kiss. Configurationality in Hungarian*. Budapest, 1987.
Lambrecht 1994 – *K. Lambrecht. Information structure and sentence form*. Cambridge, 1994.
Rizzi 1997 – *L. Rizzi. The fine structure of the left periphery* // L. Haegeman (ed.). *Elements of grammar*. Dordrecht, 1997.
Vilkuna 1989 – *M. Vilkuna. Free word order in Finnish. Its syntax and discourse functions*. Helsinki, 1989.
Vilkuna 1995 – *M. Vilkuna. Discourse configurationality in Finnish* // K.É. Kiss (ed.). *Discourse configurational languages*. Oxford; New York, 1995.

Н.Р. Сумбатова